

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ФЕВРАЛЬ 2017 г. • № 2 (244) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

МЫ ГОРДИМСЯ ТОБОЙ!

Я считаю, что Захар Прилепин поступил, как русский воин во все времена, от поля Куликова до Бородинского сражения, от русских добровольцев в Испании и Вьетнаме до панфиловцев. Он пошёл сражаться за Россию и её идеалы.

Захар Прилепин продолжил героическую линию русских писателей от Лермонтова до Гумилёва, от Бестужева-Марлинского до Проханова и Лимонова.

Он пошёл не убивать братьев-украинцев, а защищать русских от фашистской нечисти.

Впрочем, он и не скрывает ни своих взглядов, ни своей позиции. Он говорит: "Я боюсь в петицию свалиться, но совершенно очевидно, что Донбасс — это зона ответственности не перед жителями Донбасса или Украины, а перед будущим России. Если нам здесь удастся чего-то добиться, значит, у нас получится везде, на любых направлениях. У меня есть определённые возможности, и я не вижу причин оставаться в стороне. По моей инициативе уже создано подразделение и мы будем стремиться к тому, чтобы на белом коне въехать в какой-нибудь близлежащий город, который был оставлен нами в силу разных причин..."

Захар Прилепин поступил в "спецназ русской литературы", и к этому шёл довольно долго. Вот и книга его о писателях-воинах в русской литературе — это тоже подготовка к спецназу.

"В России с XVIII века я насчитал более сотни поэтов и прозаиков, у которых жизнь была напрямую связана с воинской службой. У нас самозванцы русской словесности стали доказывать, что русский литератор — это талант усюрик на тонких ножках, который вечно говорит о слезинке ребёнка и о прочих трогательных вещах. Причём эти люди активно и настоятельно болеют за украинскую сторону. Но это сложилось не сегодня. Если внимательно посмотреть на войну 1812 года, Крымскую, уж тем более подавление польского восстания, уже тогда колоссальное количество нашей аристократии могло болеть за поляков, за любого противника. В Отечественную войну 1812-го в московских салонах говорили: "Может быть, с Наполеоном стоит решить миром? Это просвещённая нация..."

Нынешние капитулянты, готовые предать свою Родину за любую подачку с Запада, не имеют к русской литературе никакого отношения. Не случайно этот поступок Прилепина одобрили большинство значимых русских писателей самых разных взглядов.

Не случайно и Пушкин рвался на Кавказ. Как считает Захар: "Он же абсолютный империалист, "ватник". Нынешние Проханов с Лимоновым не ведут себя столь радикально, сколь вёл себя Пушкин. Чаадаев 9 лет отслужил, сначала был гренадёром, а потом служил в гусарском полку у Дениса Давыдова. А мы все большие дети Серебряного века, начала с XX-го. Наркомания, свальный грех, привычка отделять: типа, Родину я люблю, а государство не люблю. Нам надо не в Серебряный век возвращаться, не к ахматовским сиротам, а в Золотой век русской литературы. В век Пушкина. Потому что там у большинства людей были более чем чёткие представления о Родине и любви к ней..."

Они по мироощущению почти все были декабристами, писали "во глубин сибирских руд" послания. Были смутными, своеобразными нацболами. Если какое-то движение начиналось в обществе, если война, не дай Бог, тут даже самый большой либерал, человек, придумавший словосочетание "квасной патриотизм" Пётр Вяземский, сразу срывался на защиту родины — на войну 1812 года. Потом воина с Турцией. Они с Пушкиными оба Бенкендорфы пишут письмо, что хотим в действующие войска. Это 1831 год. А ведь в 1825 году повесили пять декабристов — их ближайших друзей. Огромное количество

во, двести человек, сосланы в Сибирь. Причём из них порядка 50-ти литераторов, поэтов. Сегодня эту ситуацию попробуйте воспроизвести. Представьте себе Бориса Акунина условного или Дмитрия Быкова, которые пишут главе охраны письмо: "Хотим отправиться в действующие войска". Невозможно представить. Причём Пушкину и Вяземскому отказали. А Пушкин взял и самочинно отправился на Кавказ. Приехал на лошадке, в чёрной бурке, с пистолетом, умчался на позиции. Казаки атакуют, он вперёд казаков скачет. За ним офицеры мчатся: "Саша, Саша, не обездольте русскую поэзию!"

Впрочем, так же и Александр Проханов, как мне рассказывали, в Афганистане всегда стремился на передовую. Думаю, Захар Прилепин абсолютно прав, говоря, что чувствует себя на Донбассе, как в пространстве романа "Тихий Дон", романа "Война и мир" или в "Слова о полку Игореве"...

Лучшие русские книги с давних времён так или иначе связаны с войной. Думаю, Захар интуитивно почувствовал, что ему для дальнейшего освоения литературного пространства необходимо самому идти Родину защищать!

Когда сейчас взбешённые либералы его обвиняют, что он отправился убивать, Захар напоминает им слова Фёдора Достоевского, что "русский человек идёт на войну не убивать, но принести себя в жертву... Пожалуй, главное качество русского человека на войне — это терпение, бесконечное, бестрепетное терпение. Так или иначе об этом писали в России из века в век..."

Вот и Захар со своим батальоном собирается жертвовать, защищать русских жителей Донбасса, не предъявляя никаких претензий украинцам как таковым, веря, что они обязательно образуются...

Зачем пошёл воевать изумительный романтик Антуан де Сент-Экзюпери? За чем поехали добровольцами в Испанию Эрнест Хемингуэй и Дос Пассос? Зачем рвался на фронт и зарабатывал свои георгиевские кресты генеральный поэт Николай Гумилёв? Ведь другие-то отжились в тылу.

На Захара Прилепина сейчас льют помой все наши нынешние тыловые крысы, желают ему даже скорой смерти. Когда некая поэтесса Полозкова заявила, что в день гибели Прилепина купит бутылку лучшего шампанского, она для меня перестала существовать, впрочем, как и для всех читателей поэзии.

Может быть, Захар своим поступком спасает будущее русской литературы?

Захар Прилепин вступил в должность заместителя командира батальона, ему присвоено звание майора. Он готов воевать. В своих интервью он чётко заявляет: "Все эти крики, что вот ты писатель, поэтому ничего не должен делать, меня совершенно не волнуют. Я хочу — пишу, хочу — не пишу. Здесь идёт война. Это как во время Великой Отечественной. Все эти замечательные товарищи в лице Симонова, Долматовского, они все писали, все носили оружие. И все имели воинские звания".

Он даже пугает журналистов своими целями, считая, что "Киев — конечная цель. Скрывать не станем. (...) Киев — русский город. Русский украинский город. Наше дело маленькое. Наверну рюш. Но я думаю, что таких ошибок, которые были с Януковичем, быть не должно...". Впрочем, это уже писательские фантазии...

При этом он надеется: "Но в целом я думаю, что ничего экстраординарного в отношении Донбасса в этом году не произойдёт. Будет всё та же вялотекущая, время от времени обостряющаяся, странная война..."

Только вот я опасаясь, что за головой знаменитого русского писателя начнётся охота украинских террористов. Надо же, вместо Моторолы и Гиви в глазах не только дончан, но и всей мировой общественности появилась даже ещё более значимая фигура!

Буду молиться за Захара, чтобы отвести от него любую беду... Пятеро детей ждут в Нижнем Новгороде, да и вся русская литература в придачу.

мне кажется, с довольно-таки ложным посылом-вопросом: "Ты поешь: "от чудских берегов до ледяной Колымы, все это наша земля". Все это славянская земля, ты говоришь. Твоя земля. А где моя земля, Костя? Куда она подевалась?"

Где земля Зарифуллина, Абузарова, Кара-Муры и Айрапетяна? Совершенно ясно где: там же, Герман Умаралиевич. Там же, если мы граждане России! И небо у нас — общее, как бы украинские националисты ни воспевали именно своё небо над золотым житоном на жовто-блакитном флаге.

Что значит оборот "помогаемые генералом Морозом"? — непонятно (видимо, из области опечорения немецких генералов), но мне сразу

Чингисхана распалась на улусы или орды...". За чем певцу определяться? А дальше и вовсе — псевдоисторический урок с получением: "Знаешь ли ты, Костя, что в Великую Отечественную войну после стран Запада вторым нашим поставщиком по ленд-лизу была Монголия? Монголы поставили нам коней и полушубки. Ты видел, Костя, в советских кинофильмах, как красноармейцы в красивых теплых дублёнках, помогаемые генералом Морозом, громят гитлеровцев, мерзнувшие в суконных шинелишках? Это были монгольские полушубки, Костя. А ты считаешь монголов врагами?"

Что значит оборот "помогаемые генералом Морозом"? — непонятно (видимо, из области опечорения немецких генералов), но мне сразу

вспомнился смешной и характерный эпизод из позднего советского прошлого. С трибуны Колонного зала Дома союзов на Съезде писателей (вот где государство тогда собирало творческие союзы!) Юрий Кузнецов стал превозносить русские стихи Николая Тряпкина, а потом процитировал и знаменитые строки Николая Рубцова: "Со всех сторон нагрянули они — иных времён татары и монголы". Татарская делегация вдруг поднялась с мест и начала покидать зал. Юрий Поликарпов не растерялся и мрачно сказал в микрофон: "Садитесь, татары. Это не про вас..."

А вообще, про что песня-то Кинчева? Совсем не про славянскую агрессию, а, как мне кажется, про вечную борьбу, о которой сказал молодой и очень революционно настроенный Горький в письме к нижегородскому монархисту: "В сердце русского человека издревле борются две струи крови: одна — арийская, славянская — зовёт его к деянию, к борьбе за право личности, за достоинство человека, тянет его на Запад, к будущему; другая струя — туранская, монгольская — она влечёт к бездействию подчинению чужой воле, внушает веру в непоколебимость прошлого и китайское обожание предков, которые у вас рабы, она вас тянет на Восток, к прошлому. Вот эту пассивную, отравленную монголизмом и Востоком часть русского народа, которая становится всё ничтожнее количеством, вы и представляете". Во как припечатал! — какие там песни "Алисы"...

Но славянский вопрос вовсе не этнический или культурологический. Например, в Чехии, где на съезде в 19 веке оформилась идея панславизма, нынешние националисты считают себя по-

Захар Прилепин в своём батальоне

Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос...
Александр Пушкин

Может быть, из-за некоей затянутости и вязкости во времени самого чтения (роман был опубликован аж в 4-х книжках журнала "Москва", которые мне попадали в руки практически поочередно), может быть, по причине болотистости пейзажей и характеров повествования, но лично меня постоянно преследовало ощущение, что либо Михаил Попов писал "На кресах восточных" под впечатлением "Обители" Захара Прилепина, либо ещё хуже — и вообще этот роман был написан Прилепиным, начитавшимся Попова. В год 50-летия публикации "Мастера и Маргариты" от коллектива прославленного журнала "Москва" можно было ожидать всяческих мистификаций.

Одно, правда, успокаивало: стилизовать пришлось бы не только творческий почерк, но и образ мысли Михаила Попова, — а это уже из области утешительной фантастики для провинциальных графоманов, ге-

Алексей ШОРОХОВ

"украинства" на примере целой цепочки исторически последовательных "иудиных поцелуев": с Речью Посполитой (долго и вразос), Крымским ханством (эпизодически), Москвой (усы Хмельницкого), Швецией (при нём же, но не получилось), опять Москвой (Пётр Великий), опять Швецией (Мазила), снова Москвой (в состав Империи и уже надолго), Германией (привет Троцкому), опять Москвой (привет альпийскому ледорубу), немножечко Польшей (привет Пилсудскому), Москвой и вновь Германией (привет Риббентропу и Гудериану), Америкой (привет Канарису с предпраздничной распродажей главарей ОУН/УНСО оптом и в розницу), снова Москвой (на полвека), опять Америкой (и немножечко, простите, опять Германией), на сегодня — пока всё...

"Вот у нас почитают Богдана и не надвидят Мазелу, а почему, собственно? Оба по натуре предатели. Мазела — такнулся с Карлом шведским Двенадцатим..."

Червь неусыпающая, или О потаённой битве Михаила Попова

ниальные творения которых сплошь и рядом, по их словам, уворованы оборотистыми столичными знаменитостями.

Впрочем, к концу повествования стало понятно, что хотя описываются приблизительно одни с "Обителью" времена и в чём-то схожие обстоятельства (плюс все последующие времена и обстоятельства, которые ничуть не легче — тупое животное выживание не является смыслом и сутью этого законченного художественного высказывания. Ну, или не является его единственным смыслом и сутью. Поэтому о сходствах — всё.

Для верности, однако же, положил рядом с собой другие, поблизившиеся ранее произведения Попова "Москаль" и "Идея", и новый роман дочитывал уже вприглядку.

У Фридриха Вильгельмовича Ницше есть такой термин "интеллектуальная честность". Сейчас долго вспоминать, о чём это у него, но звучит благородно.

Применительно к писателю Михаилу Попову, пожалуй, будет уместнее говорить об "интеллектуальной мужественности", не в гендерном (высокий рост, борода, крепкое телосложение), а в биографическом смысле. В смысле упрямства и равноудалённости. Это олигарху хорошо быть "равноудалённым" (значит, не посадят и дадут воровать дальше), а писателю не очень. Совсем не очень (то есть и премией обнесут, и за границу на казённый кошт не отправят).

Я знаю немного современных русских писателей (то есть не знаю почти), которые бы жили исключительно писательским трудом. Тот редкий случай, когда ты — не беззастенчивая жена/муж (в хорошем смысле) подлинного кормилца семьи, не сидишь на должности, не служишь где-либо у смежников (филология/журналистика), а просто публикуешь романы (реже повести — так как за них совсем не платят) и живёшь на это. Как скромно сказано о Михаиле Попове в Википедии: свыше 20 романов...

Это выбор. Достойный уважения. Более чем.

Невеликий Украинский Хазарат

Данное качество, "интеллектуальная мужественность", хотел бы तोг сам Попов или нет, распространяется и на всё, что он пишет. А именно — он может себе позволить быть умнее политкорректности, зыбательнее мейнстрима, унизибельнее демократии и занимательнее телевизора. С тех пор, как победившая и со всеми согласная свобода мгновенно научилась давить танками всех несогласных, это качество в современной русской литературе очень востребовано. И встречается очень редко.

К примеру. Задолго до оформления на наших границах в теперешнем его виде Украинского Хазарата — отнюдь не "Великого" (как им мечталось), но от этого не менее злобно-го и ядовитого для соседей, Михаил Попов в блистательном романе "Москаль" наглядно и совершенно обоснованно вскрыл предательскую и (!) самопредательскую сущность

тём, тайная переписка, то сё, так наш Переяславский любимиц, сразу после знаменитой Рады, списался с таким же Карлом, только номер другой. И всё на ту же тему — как бы Москву обмануть, на другую службу перебежать. Просто тайное стало явным чуть-чуть не вовремя. А до шведов были поляки, а после шведов — фюрер. Украини самой по себе никогда не было, и, главное, быть не может: хохол — всегда чей-то холоп! И не видят в этом ни горя, ни зреха — лишь бы сытнее да безопаснее!.."

В романе "На кресах восточных" писатель задумывается уже о менталитете западноруссов (или, как привычнее — белорусов). И это настораживает. Потому что предыдущему, постмодернистскому (куда ж без этого?) и водевильному (так Украина ж!) "гопаку со стрельбой" над бездной в романе "Москаль" спустя всего пять лет после выхода книги было суждено обвалиться в совершенно реальную, первобытную и кровавую стихию украинства, с её убийственным и самоубийственным разгулом на Востоке, у врат Донбасса, да и в целом на всей территории нынешнего Украинского Хазарата (он же — Киевский каганат).

Поэтому за душевный строй нашего стратегического и естественного/единственного союзника на западных рубежах становится как-то тревожно. Роман Попова этой тревоги не убавляет. Самое забавное, что первыми по поводу романа встревожились самостоятельные жители Соединённых штатов Америки из рядов национально определявшейся и этнонационально оперившейся белорусской оппозиции. Она же — местные — интеллигенция. Тут немного мудрёно, я и сам не до конца понимаю, но они, живя там, очень волнуются за то, что у нас тут. Иногда даже здесь. Но очень.

Не успел автор даже до конца саморазоблачиться в романе, как уже зазвучали "голоса". Вот проживающий в США белорусский оппозиционер Зенон Позняк не обинуясь диагностирует: "Появились даже «художественная литература» (Михаил Попов), где белорусы грубо показаны такими недоделочками, примитивными и отсталыми, а белорусское государство — недоразумением".

Так ли это?

Великая Жмудь

У каждого исторического народа есть свой богатырский эпос. У немцев — это Эддифрид, у скандинавов — Сигурд, у французов — Роланд, у американицев — Человек Паук.

У русских же, как известно, это три богатыря. Вы никогда не задумывались — почему все они великороссы? Илья Муромец из Муром, Добрыня Никитич из Господина Великого Новгородца, Алеша Попович — из Ростова Великого. И никого — из черниговских лесов или херсонских степей. Там в лучшем случае, как писал Тургенев: "сидит по пид горою козак Наливайко".

(окончание на стр. 3)

Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
И славе славян...
Николай Языков, 1827 год

За эти строчки из "Заздравной песни", написанные 190 лет назад, особенно за второй стакан — Николаю Языкову может сильно достаться от Германа Садулаева, для которого ни поэтической условности, ни срока давности, похоже, не существует. Только этим можно объяснить гнев писателя, пошедшего в политику, который обрушился на песню Константина Кинчева "Небо славян", написанную в поезде Питер — Москва ещё 22 октября 2000 года. Как пишет поклонница: "С 2002 года она играет на каждом концерте группы и практически каждом фестивале (и уже успела надоесть до смерти). Лично я за те 5 лет, что хожу на "Алису" могу вспомнить всего один сольный концерт, где её не было, и пару фестивалей... Неоднородность песни обсуждать не хочется. Но её пафосность и могучий патристический заряд беспорядны. Фактически эта песня — гимн, а подобные песни в наше время дефицит, поэтому не удивительно, что обрела она новое рождение в самых необычных исполнениях".

Да, совершенно не являясь поклонником Кинчева (особенно его внешнего облика!), я не раз ставил в эфир удивительную запись, сделанную 24 мая 2007 на празднике "Дни славянской письменности и культуры" в Коломне. Закрывшие его сопровождалось грандиозным музыкально-литературным действием под названием "В начале было Слово..." режиссёра Галины Ковалёвой — давней моей знакомой из Красногорска. И в финале песню Константин Кинчева "Небо славян" грянул... сводный хор! Это прозвучало мощно и новаторски. Но самое большое потрясение — запись этой песни как строевой в исполнении неведомой 2-ой роты на солдатском смотре:

За бугром куют топоры,
Будные головы сечь,
Но инородцам кольчугой звенит
русская речь.
И от перелезка до звёзд
Высится Белая рать.
Здесь, на родной стороне, нам помирать.

Только в своём могучем recitative воины подправили заключительную строку: вместо "здесь, на родной стороне, нам помирать" — выдохнули "побеждать". И правильно! Но вот всю эту вдохновенно поющую рать решил победить Герман Садулаев в начётнической статье, как

Александр БОБРОВ

Помню 25-й Аксаковский праздник под Белебеем в честь выдающегося славянофила — Сергея Аксакова. Он и его сыновья соединили в себе, сами порой не понимая, две ипостаси евразийского мира, две великие духовные цивилизации: Православие и Ислам. Выразившие наиболее ярко национально-православную идею России сыновья Сергея Тимофеевича, великие славянофилы — Иван, Константин и не писавший книг Григорий, оставшийся в тени братьев (он был честнейшим чиновником, одним из лучших губернаторов российских) по матери (а она была полтурчанка — из рода эмиров, прямых потомков пророка Магомета), были не совсем славяне по крови — и что? Ярким сентябрьским утром писатели, включая серба Зорана Костича, остановились в золотой дубовой роще, и в этой просвеченной дымке я сложил стихи, обращённые к нему, с такой концовкой:

Праздник Аксаковский — с нами!
Зыбкий туман унесло,
И над холмами, лесами
Солнце славянства взойшло!

А потом под этим общим солнцем мы приехали в деревню, где веками живут бакиры, чувашы, татары, русские, которые спели песню о дружбе на четырёх языках. Нет никаких противоречий, если есть хорошо оплачиваемый труд и забота о каждой самобытной культуре. Садулаев вопрошает: "Ты поешь: "Нас точит семя орды". Тут надо определиться. Какой именно орды тебя точит семя, Костя? Большой Орды? Золотой Орды? Белой Орды? Или, может, Синей? Здесь важна точность, Костя. Когда империя

Второй стакан

вспомнился смешной и характерный эпизод из позднего советского прошлого. С трибуны Колонного зала Дома союзов на Съезде писателей (вот где государство тогда собирало творческие союзы!) Юрий Кузнецов стал превозносить русские стихи Николая Тряпкина, а потом процитировал и знаменитые строки Николая Рубцова: "Со всех сторон нагрянули они — иных времён татары и монголы". Татарская делегация вдруг поднялась с мест и начала покидать зал. Юрий Поликарпов не растерялся и мрачно сказал в микрофон: "Садитесь, татары. Это не про вас..."

Но славянский вопрос вовсе не этнический или культурологический. Например, в Чехии, где на съезде в 19 веке оформилась идея панславизма, нынешние националисты считают себя по-